

ГЛАВА 6. МОДА

Мне когда ногу в больнице вылечили и укол от бешенства сделали, я домой пошел. Точнее, поскакал. Как австралийский кенгуру. Это такой огромный кролик, смешной очень. У него еще мешок на животе. В этот мешок кролик, который поменьше, прячется. И я так до самого дома скакал. Только на одной ноге. И без всякого мешка на животе. А мама с папой еще ничего не знали. И когда ребята помогли мне подняться на второй этаж и я вошел домой, то мама первая увидела забинтованную ногу. И с порога спросила: «Бог ты мой! Ну что опять с тобой стряслось?» А потом руками всплеснула. А я сказал: «Ничего, мам! Ничего не стряслось. Это меня бешеная собака укусила. Неизвестной породы. Не сильно, мам, насквозь только». И я подал маме рваный гольф. А мама не стала меня ругать. Ни за гольф, ни за порванный мяч, ни за дырявую ногу. Она меня пожалела только. А папа сказал: «С боевым крещением!» А я сказал: «Ага! Спасибо, пап». Потом он спросил: «Ну, как ты, старик? Сильно досталось?» И я ответил: «Пустяки. До свадьбы заживет».

А после этого мама объявила мне больничный. И всю неделю меня лечила. Усиленным питанием и зеленкой. Говорила: «Вот, набирайся сил! Чтобы всю тарелку у меня съел!» А еще зеленкой мазала: «Вжих! Вжих!»

Уж лучше бы просто отругала, чем так. Потому что это были самые длинные дни моей жизни.

Я вам честно скажу: летом болеть совсем никакой выгоды нет. Мне уже на следующий день стало очень скучно. Так скучно, что хоть волком вой. То порисую, то солдатами поиграю, а все равно скучно, хоть тресни! К тому же меня еще угораздило в окно посмотреть. А там такое! Это надо же! Подумать только! Пока я на больничном сидел, ребята вот что выдумали. Они на ходулях ходить начали. Ходули — это такие два дрына с бобышками. Это, видно, мода такая. У нас, у мальчишек, каждый раз какая-нибудь новая мода. Не такая, как у девчонок, не думайте! Это у девчонок пустяковины какие-то: бантики, платьишки, цветочки. А у нас мужская мода! Это когда кто-нибудь придумает что-то интересное — и все это делают. Мы то луки гнем и в индейцев играем, то шпаги мастерим из проволоки и сразу становимся тремя мушкетерами. А тут вот чего выдумали. Пока я болел, они на ходулях расхаживать начали.

И я тогда подумал: «Вот он, выход-то. Ведь я почему дома сижу? Потому что меня псина за ногу тяпнула. И я хромай теперь, как хромоножка какая-то. Это я пока на улицу собираюсь да со второго этажа спускаюсь, ребята уже по домам сидят. Сами судите. Шорты и сандалии натянул — час прошел. Потом двадцать восемь ступенек вниз по стеночке. Вот и полдня долой. Походил-походил по двору — и обратно

ковыляю. И снова четырнадцать ступеней в одну сторону, потом четырнадцать в другую. Пока до дверей доскакал, уже умыться и спать пора. А с ходулями совсем другое дело. С моим-то ростом, да на ходулях с легкостью дотянешь до второго этажа. Получается, что я домой прямо с улицы, через балкон заходить начну. А это очень полезное умение, я вам скажу. Это же сколько я времени экономить буду! Я так к балкону подойду, постучу, как положено. А мама с папой спросят: "Кто там?" И я отвечу: "Это я". А папа спросит: "Где же, ребенок, тебя носило?" А я прокричу: "Я не жеребенок, пап! Ты что, меня не узнаешь? Это же я, ваш сын Миша! Меня нигде не носило. Я здесь, во дворе был. Вот с прогулки пришел". И тут мама скажет: "Конечно, сынок, заходи. Скорее мой руки — и за стол, сейчас ужинать будем". А потом, конечно, распахнет балкон. А я раз — и дома! По-моему, очень удобно. Осталось только ходули смастерить и научиться на них ходить».

Через пару дней мама совсем избавила меня от повязки. И я подумал: «Ну наконец-то! А то я тут совсем от моды отстал». Теперь я мог хоть по крышам бегать, хоть через заборы лазить. Хоть на ушах стоять, как все нормальные дети. И первым делом я решил исполнить свою заветную мечту. О которой всю жизнь мечтал, пока на больничном сидел. Я решил научиться ходить на ходулях! Конечно, теперь-то на второй этаж я могу и по лестнице. Чего уж там, мне нетрудно. Только вдруг меня снова кому-нибудь вздумается куснуть? И что тогда? Снова больничный, зеленка и дома сидеть? Нет уж — дудки!

В общем, как только я оказался на свободе, то первым делом слазал на старую лесопилку. Там у нас специальный лаз в заборе сделан. И оттуда я притащил два бруска. Там этого добра навалом. Бери сколько хочешь. Только сторожу Анатолию Ивановичу не попадайся, а то сами знаете, что за это будет. Мало не покажется! А Вовка мне помогал. Он мне пилу притащил. И мы эти бруски укоротили. Потом я приколоматил отпиленные кусочки обратно. Обратно к брускам, только пониже, так, чтобы можно было на них встать. И все! Ходули были готовы. Причем самые лучшие во дворе. Длинные, стройные, ну просто загляденье какое-то!

Оставалась еще одна пустяковина. Научиться ходить. Но это проще простого. Проще пареной репы. Там и делов-то: раз-два да обчелся. Ты ходули руками обхватываешь, чтобы они под мышки зашли, и на бобышки встаешь. А дальше шагаешь гигантскими шагами хоть направо, хоть налево, хоть через весь Индийский океан. С такими-то ходулями, он, пожалуй, по пояс будет. А если по речке или озеру шагать, так и подошву даже не замочишь.

И вот я ходули обхватил, на бобышки встал и пошел. Но недалеко, один шаг всего. То есть я-то пошел, шаг сделал, а ходули на месте остались. И получилось, что я по воздуху пошел. А по воздуху ходить очень трудно. Практически невозможно. И я полетел лицом вниз, а одна ходуля полетела вслед за мной. И со всего маху треснула мне по затылку. Да так сильно, что у меня искры из глаз. И огромная шишка выросла. Я тогда решил, что хватит с меня ходуль. Без них проживу. Ничего, обойдусь как-нибудь. Восемь лет жил и еще сто лет проживу. И наподдал этой треклятой ходулине! И решил никогда больше с ними не связываться! Ни за какие коврижки. Нет, и все!

Но через пять минут я снова на ходули взобрался. Решил, что для начала было бы неплохо научиться на них стоять. И я довольно быстро научился. И на третий день своих тренировок я мог стоять на них хоть целую минуту, а еще через неделю целую минуту на них ходить. А через месяц я так приловчился, что мог ходить на ходулях хоть до обеда. Я прямо с утра на них — скок! И пошел шагать по улице — чух-чух... А ребята, кто поменьше меня, кричали: «Дядя Степа — великан, посади меня в карман! А в кармане пусто — выросла капуста!» И вот когда я стал ходить не хуже, чем цирковой артист, то решил, что пора мне на наш пруд прогуляться. Ведь это так здорово: ходить по воде и не мочить сандалии. Ты будто паришь по воздуху, а под тобой жуки-плавунцы и золотые карасики снуют. И лягушки с большими глазами сидят на дне. Сидят и не думают, что ты над ними. И что тебе их видно как на ладони.

Так я думал-думал и до пруда дошел. И кажется, я еще пару шагов успел сделать, пока мои ходули в тине не увязли. А когда я в воду шлепнулся, я уже ничего не думал. Ни о глупых лягушках, ни о карасиках с большими глазами, ни о золотых жуках-плавунцах. И на ходулях я больше никогда в жизни не ходил. Вот и вся история! И хватит об этом! Я, если хотите знать, после того случая с ходулями вообще на пруд перестал ходить. И носа своего там больше не показывал. Пока у нас новая мода не появилась — хоккей называется.

ГЛАВА 7. УГОВОР ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

Я даже не заметил, как лето пролетело. Загадка просто. Мы у дедушки-то погостили всего ничего. Потом футбол с ребятами. Собака злая. Ходули еще. И вдруг — бац! Школа на носу. И надо медосмотр проходить. А я, признаться, его не очень люблю.

И вот сию я в своей комнате на полу. Построил гараж из кубиков и загоняю туда машины. Машинки

подъезжают, а я их ремонтирую. Кому колесо накачать, кому мотор починить. В общем, дел невпроворот, только и успеваю пот со лба стереть. Едва я новый драндулет на ремонт подогнал, а тут папа подходит. Садится ко мне на пол и говорит: «Ну что, дружище, готов завтра пройти медосмотр?» Я говорю: «Что-то не хочется». И дальше машину чиню. Он говорит: «Как же так, испугался, что ли? Медосмотр, брат, важная штука. Это, понимаешь, как техосмотр для автомобиля. Если обнаружатся неполадки, нужно починить. Только у машины — мотор, рессоры, дальний-ближний свет. А у нас с тобой — пульс, мышцы и зрение». Я говорю: «Здорово! Я и не знал, что мы как машины». А папа снова спросил: «Ну что? Готов проверить автопробег и сход-развал?» И тогда я сказал: «Ага! С превеликим удовольствием». А засыпая, я представлял, что врачи — это механики. И как они будут меня лечить, точнее, ремонтировать. И что у них вместо уколов гаечные ключи, а вместо таблеток и микстур — гайки с болтами. На следующий день я быстро собрался. Папа даже удивился и спросил: «Ты хоть каши-то поел?» А я сказал: «Угу! Полбака съел! Едем скорее». И мы пошли в больницу на медосмотр.

Сначала мы пришли к терапевту. Папа сказал: «Вот тебе карточка, иди на прием, я сейчас подойду». И я вошел в кабинет. Вошел и вижу — кабинет как кабинет. Ничего необычного: я сто раз в таком был. За столом сидела тетя — врач, в белом халате. Никаких гаечных ключей у нее не было, только трубка на шее висела. «Здравствуйте! Как вас зовут?» — спросила она. А я оглянулся, пожал плечами и говорю: «Нас Миша Воробьев зовут. А вас?» «Наталья Николаевна», — ответила она. А потом поманила рукой и добавила: «Подойди поближе, Миша, я тебя послушаю». Я подал карточку и стянул футболку. А Наталья Николаевна стала спрашивать: «Как здоровье? Что болит? На что жалуетесь?» А я вздохнул и ответил: «Я не жалуюсь. У меня ничего не болит. Ухо только. И зуб вот еще шатается. А у вас?» А потом я показал свой шатающийся зуб, и Наталья Николаевна улыбнулась. Затем она осмотрела мое ухо, пощупала его и спросила: «Что же с твоим ухом такое? Рассказывай, что приключилось!» Я опустил глаза и стал рассказывать:

- Подрался, — говорю, — вот и влетело.
- Где же это?
- Да у нас во дворе было. Димка обозвал Светку злючкой-колючкой!
- А ты, значит, как рыцарь, за нее заступился?
- Да нет, я то же самое повторил.

Тогда Наталья Николаевна и вовсе расхохоталась. А потом в кабинет зашел папа, мы взяли карточку и пошли к другим врачам.

Нового врача звали пор. С виду вылитый профессор: белая шапочка, круглые очки, а под носом большие белые усы, как у старого грузина. Я говорю: «Здравствуйте, профессор». А он мне: «Здравствуй, молодой человек. Проходи, присаживайся. На что жалуетесь?» А я говорю: «Я не жалуюсь». Он мне: «Очень хорошо. Может, что-то болит?» Я говорю: «С утра ухо болело, немножко. Но когда папа сказал, что пойдем в больницу, все у меня сразу же прошло. Теперь здоров как бык». А он продолжал: «Да, знакомый случай, в нашей практике такое часто случается, особенно у детей в возрасте восьми лет. Тебе же восемь?» Я: «Ага, восемь». Потом он говорит: «Дай-ка я твое ухо посмотрю, которое утром болело». И посмотрел. Потом добавил: «Раз ничего не болит, давай я тебе слух проверю. Я отойду и буду произносить слова, а ты внимательно слушай и повторяй за мной вслух». И он отошел. И начал шептать разные полезные штуки, а я повторять. Профессор шепчет «двадцать два», и я повторяю «двадцать два». Профессор — новое слово «машина», и я шепчу за ним «машина». Профессор: «Сушка». Я тоже: «Сушка». Профессор: «Шоколад». Я тут не выдержал — и с тоской в голосе: «Мне нельзя: аллергия». А профессор улыбнулся и сказал: «Действительно здоров как бык!» Затем он отдал нам карточку, и мы пошли дальше.

Следующий был хирург. Ох и огромный дядя, просто гора какая-то, настоящий богатырь. Такой как выйдет в поле, против целого войска, да как крикнет: «Не ходи, темно войско! Огорчусь — покалечу!» — так в том поле тысяча басурман и поляжет, а вторая тысяча от страха стрекача задаст. Или, скажем, он в лес пойдет, а в том лесу ему Змей Горыныч повстречается. Так вот он его легко изловит, мелко-мелко порубит и в бочке засолит, как селедку. Вот какой доктор! И он только глазком на меня взглянул, а у меня уже мурашки по спине побежали. Он на меня и двумя взглянул, а потом спросил басом: «Ты что больше любишь: конфетки или котлетки?» Я ответил: «Конфетки». «Оно и видно, — сказал хирург и продолжил: — А надо бы котлетки! Погляди на себя: ты же вылитый кашей!» Потом он что-то записал в мою карточку. Видимо, про котлеты, но я не разобрал. Когда мы в очереди к стоматологу сидели, я все пытался прочесть хоть словечко, только так и не смог его раскусить. Читаю-то я хорошо, но доктор так написал — будто кура лапой. Уж он постарался, будьте уверены! Ничего не разберешь! Лучше бы он просто нарисовал эти трелятые котлеты.

Очень скоро подошла наша очередь к стоматологу. Я зашел в кабинет, поздоровался и уселся в кресло. Потом я начал общаться с доктором в маске. С виду он показался мне доброжелательным. И я рассказал о себе, затем о папе и маме и про старшего брата

Ваньку не забыл. В общем, я очень старался произвести на него впечатление. Доктор даже похвалил меня и сказал: «Давненько я не встречал такого спокойного и милого создания». А когда мы наболтались, доктор начал осмотр. Во время осмотра он говорил медсестре: «Троечку удаляем. Пятерочка — кариес. Лечим». А я внимательно наблюдал за процессом и пытался задавать вопросы. Но у меня ничего не получалось, инструменты во рту мешали. И вот доктор все посмотрел, напихал мне полный рот ваты, потом что-то там наметил, берет в руку машинку — и как зажужжит! Я-то думал, что он пожужжит, пожужжит и перестанет. Так нет, он в моей голове ею жужжать начал. Что тогда началось — крик, слезы, истерика! Нет, мне не больно было, но очень страшно и обидно. Больше я не верил доктору в маске. Он ведь сказал: «Только посмотрим». А тут такое началось — свист, грохот, пыль! Только и слышно: «Жжж-жжж! Ды-ды-ды!» У меня даже сердце остановилось. И время, кажется, тоже. И я не знал, чего мне еще ожидать. А вдруг все-таки больно будет?! И я заплакал. И заорал: «Ай, болит! Болит!» И я, наверное,

час бился, как птица в клетке. А доктор все спрашивал: «Неужели больно?» А я сквозь слезы признавался: «Нет, это не больно! Но очень страшно!» И конечно, я напрочь отказался отдавать второй зуб без боя. А доктор и папа меня уговаривали, но никакие слова и уговоры не действовали. Я тогда решил: «Крутите меня, вяжите! Пытайте хоть сто лет — а зуб я вам не отдам! Нет — и точка!» Только папа не стал меня крутить и вязать — он на хитрость пошел. Он пообещал мне, что сразу отсюда мы поедем в магазин игрушек, и он молча купит то, на что я укажу. Признаюсь честно, это сработало. Я давно приглядел в магазине самосвал, но у мамы вечно не хватало на него денег. И я быстро прикинул, что зуб — подходящая цена для покупки самосвала. Я сказал: «Ага!» И присмирел — меня даже держать не пришлось. Доктор взял кусачки. «Чик!» — и выхватил мой зуб. Я ничего не почувствовал и очень удивился. Я-то опять хотел заорать, а тут ничего. У меня даже вся истерика с лица исчезла. Я встал с кресла и абсолютно спокойно спросил: «Все, что ли?» А доктор и мой папа смотрели на меня большими удивленными

глазами. Потом я подошел к двери, обернулся к стоматологу, мило ему улыбнулся и сказал «спасибо!»: я же вежливый мальчик. А он, как кажется, выронил кусачки.

Папа еще долго не выходил из кабинета, и я уже начал переживать за свой самосвал. В конце концов, я снова открыл двери и сказал: «Пап, ну ты где там? Поехали уже в магазин за игрушкой, я же молодец!» И папа наконец-то наговорился с доктором и вышел. А когда мы приехали в магазин и подошли к прилавку, я ткнул пальцем в заветный самосвал. Папа тяжело вздохнул, а я вдруг начал переживать, что он сейчас передумает и скажет: «Слишком дорого!» Но он все-таки кивнул продавцу и стал отсчитывать деньги. Продавец сказала, что есть похожие машины, но подешевле, и спросила: «Может, вам показать?» А папа помотал головой и сказал: «Никак нет. У нас уговор!» И я прямо загордился своим папой. Тогда продавец поинтересовалась: «А в чем уговор?» Папа сказал: «Зубы лечили». Продавец посмотрела на меня и сказала: «Вот какой молодец! Неужели совсем не испугался?» А я обнял свой самосвал и сказал: «Ни капельки. Это только у папы почему-то руки трясутся».

ГЛАВА 8. СВОЙ ЧЕЛОВЕК

Следующая история приключилась, когда мы уже в школу ходить начали, потому что осень пришла. И нам там уроки задавали. То читать, то писать, то в уме складывать. А я думал: скорее бы Новый год, а потом сразу же лето. И снова к бабушке, и снова купаться. Потому что осенью на улице сыро и холодно. И никакого веселья. Остается только дома сидеть или в гости ходить. А дома скучно, поэтому я к своему другу Вовке ходил. Ему как раз на день рождения железную дорогу подарили, и у него было интереснее, чем у меня. Мы тогда даже закон придумали — собираться у Вовки в выходной день, ровно после обеда! Это для того, чтобы железную дорогу строить.

И вот однажды я быстренько пообедал. Для мамы записку на тарелочке оставил: «Вареники поел, Миша», число и подпись — и бегом к Вовке. Выбегаю во двор, а там Юлька одна-одинешенька на скамейке сидит. Гляжу, а у нее глаза на мокром месте и губы скривились, как старые, гнутые гвозди. И оглянуться не успеешь — разрыдается. Я тогда к ней подхожу, рядом присаживаюсь и говорю: «Ой, какая тут тучка сидит, того и гляди ливень начнется!» А она говорит: «Ничего не начнется! Отстань!» — и глаза трет. Я говорю: «Да чего случилось-то? Кто обидел, рассказывай!» Ну, Юлька и рассказала. «Я, — говорит, — ма-

ленькая! И никто со мной играть не хочет. А я все делаю, чтобы подрасти. У моей мамы красивое синее платье есть, в белый горошек, и туфли на высоком каблучке. Я каждый день платье надеваю и туфли перед зеркалом меряю, но они все равно велики. А еще я маминой помадой губы крашу. Днем полы подметаю и кошку кормлю, а вечером бигуди кручу. Одним словом, все-все, как мама, делаю, только это не помогает, я все равно не расту». Рассказала — и дальше надулась, как мышь на крупу.

Я тогда решил: «Надо это слезливое настроение как-то менять!» Уж кому-кому, а мне-то оно знакомо. Я ведь год назад тоже совсем маленьким ребенком был, вот прямо как Юлька сейчас. И даже история одна припоминается. Мне тогда очень хотелось дверную ручку на морозе лизнуть, а папа наотрез запретил. А я все пытался его убедить, что ничего вкуснее в мире нет, чем эта блестящая железная ручка. И в слезы пускался. И улыбался своей самой очаровательной улыбкой. И даже предлагал попробовать ее вместе со мной, я ведь не жадный. Но папа был несокрушимый, словно крепость, только и твердил: «Нет! Нельзя!» Я тогда думал: «Ну что же это такое! Ручка большая, ее на всех должно хватить». Но папа все равно меня оттаскивал от дверей. В общем, так и остался я ребенком с необлизанной дверной ручкой, с непознанным вкусом морозного сладкого железа на языке. Думаю, он меня не послушал оттого, что я еще очень маленький был. Я тогда за это с папой минут пять не разговаривал. И обидно мне было — очень. Прямо хоть плачь! И я думал: «Вот вырасту и тоже, как папа, командовать буду. И запрещать! И если что не по мне — оттаскивать за шиворот».

В общем, посмотрел я на принцессу Несмеяну из царства Слезопролития, а ей расти еще и расти. Посмотрел и говорю: «Нет, Юль, я не отстану. Пойдем лучше со мной к Вовке в гости. Ему родители железную дорогу подарили, настоящую, с заводным паровозом и вагончиками. Мы в один вагон фарфорового слона грузим. Во второй — машинку. А еще там платформа есть, и на нее мы всякую всячину складываем, чтобы много было. А потом поворачиваешь рычаг — и поезд мчится, только и успевай следить, чтобы аварии не случилось да чтобы весь состав под откос не ушел. В общем, работы там всем хватает. А ты будешь у нас станции объявлять». Юлька, когда услышала про паровоз, очень обрадовалась, мокроту под глазами вытерла и говорит: «Ага! Станции объявлять я согласна! Это я умею». И мы пошли к Вовке.

И вот мы к Вовке пришли, я в двери постучался, а нам никто не отвечает. Я еще раз постучался, а дверь уже и сама открылась: она не заперта была. И мы с Юлькой в прихожую ввалились. Я ботинки стряхиваю

и кричу: «Вовка, ты дома?!» А Вовка из комнаты кричит: «Мишка — это ты?!» А я кричу: «Ага! Мишка — это я!» А Вовка мне в ответ кричит: «Привет, Мишка! Ты как раз вовремя! Мы тут с Лешкой железную дорогу собирать начали». И мы с Юлькой в комнату вошли. А там ребята и вправду уже на полу расселись и наполовину пластмассовую железную дорогу собрали. Я говорю: «Привет, ребята!» А Вовка говорит: «Привет, Мишка! Молодец, что пришел! Давай проходи». А потом увидел, как из-за моей спины Юлька выходит, и добавил: «Ты зачем девчонку-то привел?» А Лешка простонал: «Ну-у-у все, пиши пропало! Сейчас она нам всю игру испортит!» А я говорю: «Какую еще девчонку, вы что, ребята?! Это же Юлька с нашего двора! Свой человек!» И мы с Юлькой тоже уселись на пол, рядом с железной дорогой, а потом начали собирать состав.

И вот ребята железную дорогу выстроили, а мы с Юлькой все вагончики собрали и в один ряд на нее поставили. Вовка, как самый главный, машинистом был. Он свисток физкультурника притащил, на шею повесил и начал командовать: «Приступить к погрузке!» И мы дружно приступили. Лешка начал кубики на платформу складывать. Я машинку в вагон погрузил. А Юлька — фарфорового слоника. Затем Вовка паровоз подогнал, состав зацепил и дал предупредительный гудок в свисток, чтобы ноги и пальцы никому не отдавить. Потом он рычаг повернул, и поезд тронулся.

Наш поезд уже долго кружил по железной дороге, и всем было очень весело. Особенно Вовке, он же машинистом был. Он то и дело гудел в свисток. Юлька тоже радостно объявляла станции. Лешка был проходчиком и проводил осмотр колес, когда поезд останавливался. Только мне было скучно. Я сидел-сидел, смотрел-смотрел и говорю: «Ну все — хватит! Пора пускать поезд под откос!» Вовка говорит: «Ага! Отличная идея!» А Лешка говорит: «Надо дорогу нарушить, тогда настоящая катастрофа получится!» И только Юлька одна расстроилась. Она опять накуксулась, глаза на мокром месте. И говорит: «Ребята, вы только представьте: лето, цветочки, солнышко светит, кругом птички поют. Наш поезд мчится мимо лугов, а там земляника растет. По небу облака плывут, птички порхают. А в последний вагон залетает одна бабочка. И прямо нашему слонику на хобот садится. А слоник смотрит на нее своими глазками и хлопает длинными ресницами. Моргает глазками и говорит: “Ух ты! Красота-то какая!” И только он это говорит, как поезд... под откос...» Тут у Юльки слезы брызнули из глаз. И у меня от этого что-то в груди оборвалось. И я только на минутку представил нашего слоника в вагоне, и бабочку, и то, как им хорошо было, а в горле у меня уже как будто ком образовался, и глаза защищало. Я от волнения даже слова забыл.

Лешка тогда первый не выдержал и как закричит: «Что же мы? Живодеры какие-то, что ли?!» А Вовка его поддерживает и головой качает: «Угу! Паровозокрушение — плохая идея!» Юля ребят услышала и повеселела немного. Глаза вытерла и говорит мне: «Миш, если хочешь, то можешь вместо меня станции объявлять. А я ничего, мне и так весело. Я просто посмотрю». Я тогда тоже носом шмыгнул и говорю: «Говорил же вам, ребята, Юлька — свой человек!»

ГЛАВА 9. КАТОК

Мы с ребятами к осени привыкнуть не успели, а на улице уже зима полным ходом шла. И я все чаще дома сидел, то есть ходил из угла в угол — скучал. Потом как-то замечтался, присел у окна и глянул, что там. А за окном настоящая стужа: на стеклах мороз и снегу по грудь намело. Вдохнул и подумал: «Зима — это хорошо. Зима — это здорово! Зиму я очень люблю. Зимой снег. Зимой санки и лыжи, а еще хоккей». И тут меня идея осенила, будто по лбу треснула! Что же я тут размечтался, чего расселся, как фон-барон. Пора же на коньках кататься! Лед на пруду наверняка уже крепкий, его только от снега нужно расчистить — и каток, считай, готов.

Я когда про коньки вспомнил и про то, как мы прошлый год всем двором катались, засуетился не на шутку. Оделся как положено: двое штанов, валенки, пальто, варежки, а на голову шапку-ушанку нахлобучил. Правда, я так торопился, что по ошибке схватил шапку своего старшего брата Ваньки, а она оказалась мне немного велика. Но это пустяки, главное — на каток не опоздать! Затем я схватил снеговую лопату, перекинул связанные шнурками коньки через плечо — и бегом к Вовке. Прибегаю к нему в подъезд, стучу в дверь, он открывает. Я с порога кричу: «Привет, старик! Спишь, что ли?» Он говорит: «Кто? Я?» Я говорю: «Нет, я! Ты, конечно!» А он: «Нет. С чего ты взял?» Я говорю: «Ни с чего не взял. Одевайся скорее, пойдем каток расчищать». А он опять за свое: «Кто? Я?» И тут я уже просто кипеть начал, поправляю свою шапку, чтобы глазам не мешала, и говорю: «Ты на меня-то посмотри — я уже одет! Один ты в пижаме стоишь». Он говорит: «Точно, в пижаме. Ну, я сейчас — мигом!»

Вовка тогда быстро оделся, как пожарник на пожар, за сорок пять секунд. И тоже лопату взял. Я говорю: «Балда ты, Вовка! А коньки?» Он говорит: «Ага! Без коньков на катке — труба!» Подал мне свою лопату и полез в кладовую их искать. Вот только искал он свои коньки очень долго, целую вечность. И я думал, что все,

еще чуть-чуть — и точно лопну от ожидания, а потом нападдам ему лопатой. Но ничего, через минуту он нашел свои коньки. И мы побежали на пруд, а по пути решили позвать еще и Лешку.

А Лешка как будто ждал нас: он уже возле своего крыльца гулял. Я ему кричу: «Лешка, привет! Айда с нами! Будем каток расчищать». А Вовка добавил: «Да, и коньки не забудь!» И Лешка быстро за коньками сбегал, а лопаты у него не было, и он большую метлу приволок. Вот так мы и отправились на пруд. Я и Вовка с лопатами, а у Лешки метла.

Через минуту мы уже стояли на берегу и пробовали лед на прочность. Сначала мы били его лопатами. Затем топали по нему ногами. И вот мы топали, прыгали, как слоны, а ему хоть бы что! Лед был прочный и ни разу не хрустнул. Окончательно осмелев, мы стали бегать по застывшему пруду и разгребать сугробы лопатами, а Лешка разметал после нас оставшийся снежок. И так у нас очень быстро получился настоящий каток, только лед оказался какой-то неровный. И когда мы напя-

лили коньки, у нас никак не получалось кататься. Мы все время спотыкались и падали, вставали, делали шаг и снова падали. Когда Вовка в очередной раз упал, он сказал: «Все! Хватит! Это не каток, а футбольное поле какое-то». Лешка его поддержал: «Ага! Ни пройти, ни проехать!» А Вовка опять за свое: «Мишка, чего молчишь? Ты же нас кататься позвал. А тут вон что — одни бугры!» Я подумал немного, поправил шапку, сползшую на глаза, и сказал: «Ребята, ведь я же не знал, что так получится. Давайте лучше не будем ссориться, а зальем наш каток водой, и он будет как новый».

Мы решили натаскать воды и залить каток. Я притащил из дому санки, Лешка приволок флягу, а Вовка ничего не принес. Он сказал: «Если я забегу домой, то меня уже не выпустят на улицу, а вместо этого заставят есть макароны с тефтелями! И не видать мне тогда нашего катка как своих ушей». А Лешка сказал: «Угу, у меня так уже было. Я на минуточку домой забежал, водички попить. И меня тут же заставили суп есть. А в супе, между прочим, лук и морковка были». А я опять шапку

поправил и говорю: «Молодец, что не пошел. Фляга с водой тяжелая, и нам твоя помощь позарез нужна».

Потом мы начали заливать наш каток. И у нас это ловко получалось. Команда у нас вышла дружная, складная. Мы наберем флягу воды на колонке, затем прикатим ее на санях к пруду, откроем крышку и опрокинем нашу флягу на лед, а вода сама собой разлива-ется. Разливается по льду и парит на морозе, как будто горячий чай. Правда, мы трогали ее рукой: она никакая не горячая, а ледяная. И почему она парила, непонятно.

Так мы таскали, таскали и натаскали. Даже сами не заметили, как весь каток залили. А пока заливали, пока бегали туда-сюда и санки с флягой домой относили, вода у нас застыть успела. И каток у нас получился просто загляденье: ровный, блестящий, скользкий! И теперь, когда мы по нему катались, то не спотыкались, как раньше, а все время поскальзывались. Поскальзывались и падали, вставали, делали шаг и снова падали. В общем, веселья было — хоть отбавляй! Я только и успевал шапку поправлять — она все время на глаза сползала.

ГЛАВА 10. ЗАДАЧА

А эту историю я про своего папу расскажу. А то все про меня да про меня. Вот мой папа — он все-все может. Все что захочешь. И починить что-нибудь, и меня развеселить, и задачу решить, если надо. А когда мама в город учиться уезжает, папа у нас за старшего остается. Он нас с Ванькой и в школу будит, чтобы мы не проспали. И умываться заставляет. И кашу есть. В общем, ведет себя, как мама.

Той зимой мама тоже учиться уехала. И мы с Ванькой и папой опять сиротами стали. Это папа так говорит — «осиротели». А на самом деле это он так шутит, чтобы мы не раскисали. Но когда мама уезжает, мне все равно грустно.

Такой грустный я однажды домой пришел. Шмяк! — портфель об пол. Ботинки — швырк, швырк! — с ног скинул. Куртку кое-как стянул, на крючок повесил и поплелся на кухню. Тут на меня папа глянул, закрыл свою газету, отложил ее в сторонку и спрашивает: «Привет, старина! Чего нос повесил?» Я говорю: «Устал. Шесть уроков. И скучно чего-то. И проголодался еще. Вот сейчас подкреплюсь, тогда полный порядочек будет». Взял на кухне вазу с конфетами и в свою комнату пошлепал. Папа кричит: «Ты куда?» А я обернулся и сказал: «Как куда?! Обедать» — и показываю вазу. А он: «Тебе не много?» Я говорю: «Пустяки! Справлюсь». А он мне: «Нет, старик. Так дело не пойдет. Что же это за обед из конфет? Пой-

дем, я тебя богатырской едой накормлю». А я тогда подумал: «Папа такой смешной, когда меня стариком называет. Ну какой же я ему старик. Разве он не знает, что я мальчик? А потом, когда вырасту, буду как он. А стариком я вообще быть не хочу». Я посмеялся и сказал: «Богатырскую еду я люблю». И мы вернулись на кухню. Я уселся за стол, а папа достал для меня тарелку, подошел к плите, открыл кастрюлю, понюхал и говорит: «Мм! Вот это я понимаю — обед. Вот это — еда! Полдня готовил. С пылу с жару, как говорится». А я закричал: «Ура-а-а! Давай, пап, скорее, устроим пир на весь мир!» А папа сказал: «Налетай кому не лень!» А потом спросил: «Тебе сколько штук положить?» И я сказал: «Парочку». Вообще-то папа у меня не жадный, но раз я так сказал, то папа и положил на мою тарелку две пельменины. Я очень удивился. Потом посмотрел на папу и спросил у него: «Что это?» А он удивленно посмотрел на меня и ответил: «Ну как же, ты же сам сказал — парочку». Я тяжело выдохнул и сказал: «Папа, ну что ты как маленький! Разве ты не знаешь, что “парочка” — это хотя бы штук шесть!» И тогда мы уже стали смеяться вместе. Потом папа добавил мне пельменей и сказал: «Ну все, старик, дальше сам! После того как поешь, не забудь помыть тарелку, а мне на работу бежать пора». И папа ушел. А я все сделал, как было велено, поел и помыл. Потом я посмотрел на вазу и не удержался. Все-таки перекусил конфеткой, а больше в живот и не влезло ничего.

А после обеда я задачку решал, но у меня не получалось что-то. Задача сложная попалась, и мне не думалось. А потом я представил: «Вот если бы я министром был или лучше королем. Тогда бы мне не пришлось с задачками мучиться. Я бы тогда приказы отдавал. Только для этого корона нужна». И я стал думать: «Где же мне корону найти?» И вспомнил, что на кухне ваза есть, в которой конфеты лежат. Если ее перевернуть, то она ведь будет похожа на корону! Бросил задачу, побежал на кухню. Пересыпал конфеты в кастрюлю. Померил свою корону, то есть вазу, а она как по мне сшита оказалась!

И вот я к зеркалу подошел, корону поправил, на плечи покрывало накинул. Это у меня как будто королевский плащ был. Потом в сторонку отошел, покрутился перед зеркалом. Посмотрел и так и сяк — настоящий король! Ничего не скажешь. Со стороны — так вылитый Рюрик. Полюбовался и пошел отдавать приказы — направо и налево. А через полчаса я устал играть в короля. У меня от всех этих царских дел шея просто отсохла. Она потому у меня отсохла, что корона очень уж тяжелой получилась. Ваза-то из стекла. И я решил ее снять. Решил и потянул обычным способом. Ну как обычно короли короны снимают? Тяну, а у меня ничего не вы-

ходит. Я думаю: «Как же так! Что за шутки». И сильнее тяну, а это никакие не шутки. Это моя голова в короне застряла! Она совсем застряла! Навсегда! Представляете? Я ее и так потянул, и покрутил, а ей хоть бы что. И тут я испугался немножко. И расстроился еще. Сел на трон, то есть на диван, и котелком своим варить начал. Только в этот раз задача не по математике была, а другая. С вопросом «Что делать, когда голова застряла в вазе?» Но кумекать было еще труднее, ведь корона мешала. Да и шея отсохла. Я только и думал: «Как я теперь в школу-то ходить буду? С короной в школу никто не пустит. А без школы и человеком не стать!»

И вот я сидел — думал, думал. Но так ничего и не придумал. Я так и сидел в короне, пока вечер не настал. А вечером папа с работы вернулся. И я понял, что все! Каюк мне! Что сейчас-то мне папа шею нама-

лит. А когда я рассказал, что случилось, папа и правда намамылил мне шею. Он отвел меня в ванную, взял мыло и намамылил мне все, что намамыливается. И шею намамылил, и лоб, и щеки, и за ушами тоже. А потом покрутил немножко вазу, и она сама соскочила. И мы все очень обрадовались. Особенно я, что мне школу прогуливать не придется. Папа сказал: «Ну все, ваше величество! Теперь мы можем идти пить чай с конфетами». А я закричал: «Ура-а-а!» И мы отправились на кухню пить чай.

А потом мы с папой задачку решали, и он мне помогал немножко. А когда я спать лег, то подумал: «Как же трудно быть королем, уж лучше мальчишкой. Тем более у меня такой папа есть. С ними-то, с папами, точно не пропадешь».

Окончание следует.

